

1995 год

О некоторых важных принципах издания документов XX века

Н. Н. Покровский

Развитие источниковедения документов XX в. происходило во многом на моих глазах. Правда, яркого расцвета 1920-х гг. я не застал, лишь позднее узнал и о резком падении научного уровня в этой сфере в 1930-х гг., но с первых послевоенных лет основные этапы динамики уже наблюдал, а позднее кое в чем и участвовал. В конце сталинского правления в спецхране были не только сборники официальных публикаций законодательных актов советской власти 1920–1930-х гг., но и подшивки газет «Правда» и «Известия». Помню, когда в гг. хрущевской оттепели эти подшивки, как и многое другое, стали доступными, радостные надежды на немедленное постижение истины вскоре сменились отрезвляющим сознанием того, что и засекреченные издания отражают действительность неадекватно, подчас весьма тенденциозно, и, как и всякие исторические источники, требуют применения всего арсенала критического анализа для извлечения из них объективных фактов. Сегодня, на ином источниковедческом уровне, это элементарное общее правило столь же актуально.

В последние советские годы некоторые историки имели доступ к довольно секретным фондам, но вот с публикацией их находок дело было куда сложнее. Можно напомнить хотя бы о трудной судьбе монографии Э. Б. Генкиной, сделанной по документам ленинского СНК.

Наряду с подобными цензурными проблемами и в подспудной связи с ними отрицательно сказывалось на качестве источниковедческого анализа источников XX в. и все усиливавшаяся в 1960–1980-е гг. государственная политика выделения в качестве особой

дисциплины истории партии: общие законы и методы исследования источников в эту «привилегированную» сферу проникали подчас с немалым трудом, стоит вспомнить хотя бы источниковедческие разделы соответствующих диссертаций. Такая традиция закрепились, так что и сегодня приходится доказывать неизбежность применения общих методов, действия общих законов в этой сфере.

Понятно, что как только с 1991 г. многие цензурные ограничения пали вместе со старым механизмом секретности, немалая масса ценнейших исторических источников, отражавших кардинальные факты потаенной истории XX в., выплеснулась на страницы газет и периодических изданий в торопливых публикациях, весьма далеких от академической строгости. Этап вполне объяснимый, особенно если учесть набирающую обороты в наши дни машину нового засекречивания, иногда уже захватывающую и то, что было доступным в брежневские времена – например, документы силовых ведомств в «штатских» фондах советских учреждений.

Но постепенно пришло время солидных научных изданий, нередко серийных, готовившихся группами историков и архивистов по несколько лет. И перед авторскими коллективами таких изданий неизбежно вставали и получали то или иное решение извечные проблемы источниковедения – полноты массива привлекаемых источников, выбора основного текста, приемов его исправления и передачи типографскими средствами, классификации документов, их датировки, атрибуции, проверки их достоверности и подлинности и т. д. Таким образом, возник определенный массив научных публикаций, накоплен немалый опыт, появилось представление об общих для документалистики разных веков или специфических для XX в. трудностях, возможных путях их преодоления. Мне было особенно интересно в этом плане познакомиться с научными изданиями по истории деревни советских времен, репрессивного аппарата, внешней политики. К тому же в последние пять лет мне с моим коллегой С. Г. Петровым удалось, опираясь на помощь архивистов (и в первую очередь – В. Ю. Афиани), разработать и осуществить издание двух книг первого тома серии «Архивы Кремля». Все больше ценных источников XX в., включая неизвестные нормативные акты, стали приносить наши археографические экспедиции. Так появился непосредственный опыт. Опираясь на него и на весь массив этих изданий, осмеливаюсь высказать ряд собственных соображений о путях решения источниковедческих и эдисиональных проблем при научном издании документов XX в.

Собственно говоря, речь далее пойдет не о каких-то невиданных источниковедческих новациях, но лишь о методах распространения на источники XX в. ряда общих принципов, уже давно зарекомендовавших себя на материалах предшествующих столетий. Понятное стремление историков и архивистов быстро издавать в последние годы как можно больше важнейших источников, вдруг ставших (надолго ли?) доступными, имело следствием то, что даже в весьма ценных в прочих отношениях изданиях фундаментальные проблемы внешней и внутренней критики и эдичионной техники нередко решались скверно, а то и просто игнорировались. Перечислим ряд обязательных, на наш взгляд, требований и правил при научном издании документов XX в.

Исключительно важной здесь является прежде всего проблема полноты выявления документов в заявленных для публикации (исследования) тематических, хронологических и иных рамках и тесно связанная с ней методика составления представительной выборки. Ясно, что зачастую (не всегда!) объем источников по теме таков, что полная его публикация невозможна. Но не менее ясно и то, что методом тенденциозной выборки (даже из массива сравнительно достоверных источников) можно доказать что угодно. Собственно говоря, то недоверие общества к своим историкам, которое явилось столь характерной и вполне закономерной особенностью социальной жизни последних советских, а также постсоветских лет, в немалой мере связано именно с этой проблемой. Все мы помним пухлые тома публикаций документов, старательно созидавших историю, вполне далекую от реальной; для иных коллективов НИИ и архивов такие тома становились основной формой «исследовательской» деятельности.

Итак, полная публикация всего массива источников по теме редко бывает возможной, а выборочная – проторенный путь к вольным и невольным фальсификациям. Выход из этой коллизии одновременно очень прост в формулировке и чрезвычайно сложен в работе. Простым является элементарное требование к исследователю, публикатору: *главные свои усилия, все свои профессиональные навыки и мастерство, буде оно имеется, направлять на создание выборки не тенденциозной, но объективной.* (Недаром ведь лучших наших источниковедов партийные идеологи неизменно упрекали в «объективизме».) Объективной – это значит прежде всего такой, которая не направлена на обслуживание любых идейных или, того хуже, политических априорно заданных концепций, но стремится с возможной полнотой отражать все без исключения наблюдаемые в объекте исследования стороны,

процессы, явления, противоречия. Это близко к фундаментальному понятию современной социологической науки – *понятию репрезентативности выборки*, и историкам полезно учитывать все то, что здесь наработано соседней наукой.

Конечно, исследователь всегда будет зависеть от взглядов и реалий своей эпохи, но при этом все же очень важно, какую именно цель сам ученый ставит перед собой, в какой мере он сам стремится к независимости своего анализа. И недаром ведь в русской национальной культуре хрестоматийным образом летописца стал беспристрастный пушкинский Пимен.

Требование полноты выявления источников означает, в частности, и необходимость поиска и использования для издания (исследования) возможно большего количества экземпляров одного и того же документа. Наличие целого ряда копий даже самых подчас сверхсекретных документов – важная отличительная черта бюрократического делопроизводства. При множественности таких копий подлинники нередко отсутствуют или все еще недоступны. А когда документ приходится издавать по копии, начинает играть важную роль время и обстоятельства ее создания, степень авторитетности и т. д. Столь частые в наших архивах копии 1930–1950-х гг., заменившие подлинники во время разных фондовых чисток и перемещений, далеко не всегда адекватны оригиналам, содержат подчас существенную редакционную правку, опускают делопроизводственные пометы и т. д.

Но и при наличии вполне авторитетного подлинника выявление и привлечение к изданию рассылочных (например) копий весьма желательно. Резолюции и делопроизводственные пометы на этих копиях дают историку уникальную возможность судить об организации и эффективности исполнения принятых решений, о порядках в разных органах административной вертикали, реальных властных полномочиях партии, СНК, Лубянки, советов и т. д.

Традиционная источниковедческая проблема «подлинник – копия» имеет для документов советского периода свою специфику. Необходимо разработка более точной типологии этих документов, учитывающая открывшийся исследователям огромный массив новых источников, таких, например, как целое семейство политдонесений и информсводок ОГПУ разных видов, как несколько вариантов оформления распоряжений и постановлений директивных органов и многое, многое другое. Протоколы заседаний таких органов и рассылаемые исполнителям выписки из них – это, конечно же, не подлинник и копия, а два разных вида источников. Но при издании одного из

них обязательно привлечение другого и сопоставление их. Следует отметить, что само разграничение понятий «подлинник» и «копия» нуждается подчас в уточнении, и соответствующее определение, находящееся в тексте самого документа, не всегда может быть принято историком безоговорочно. Так, в случае направления одного письма (телеграммы, шифротелеграммы, почтотелеграммы, радиограммы) в несколько адресов сам документ иногда выделяет первый из этих адресов, прибавляя затем «копии – таким-то». Но при наличии одинаковых подписей и других заверительных элементов (а тем более – бланков) каждый такой экземпляр следует рассматривать как подлинник, хотя, конечно, обязательно сохранять при издании слова документа о копиях. Не всегда является достоверным указанием на то, что перед нами копия, и формула «подлинный подписал» («п. п.») перед подписью. Нам известны протоколы Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), где видный функционер ОГПУ Е. А. Тучков ставил такую формулу на несомненных подлинниках.

О важности фиксации при издании всех записей и делопроизводственных помет на копии даже при наличии подлинника говорит хотя бы такой пример. Копия первого варианта двух главных политических документов создаваемой Политбюро и ОГПУ обновленческой церковной организации изготавливалась в недрах ОГПУ и канцелярии Л. Д. Троцкого. Она была напечатана на машинке Реввоенсовета, заверена подписью секретаря Л. Д. Троцкого М. С. Глазмана и содержала записи-автографы о согласовании, принадлежащие членам Политбюро И. В. Сталину, Л. Б. Каменеву, М. П. Томскому, А. И. Рыкову, В. М. Молотову. Именно эта копия дает, таким образом, наиболее наглядное представление о методах партийно-церковного строительства и об обстоятельствах создания программного документа обновленческой церкви. Опубликованный в «Правде» от 14. 05. 1922 г. и неоднократно перепечатававшийся в самых солидных изданиях документов по истории Русской православной церкви официальный текст обоих документов содержать этих ознакомительных записей на копии, понятное дело, никоим образом не мог. Копия из секретнейшей части фонда Политбюро оказалась интереснее давно известного подлинника.

Нам приходилось уже приводить пример, когда важна была и такая канцелярская помета, как дата приобщения документа к делу. В левом верхнем углу ходатайства сельского схода с. Палех Шуйского уезда за своего приходского священника о. Иоанна (Рождественского) имеется малозаметная карандашная помета о приобщении

к делу 10 июня 1922 г. Ходатайство было составлено и отправлено в Трибунал еще 18 апреля 1922 г., но в дело его поместили почти через два месяца – уже после одобренного Политбюро расстрела иерея.

К сожалению, общее археографическое правило обязательной фиксации в научном издании всех резолюций и помет, читаемых на документе, в наши дни с трудом получает признание у публикаторов источников XX в., хотя усложненное бюрократическое делопроизводство нашего столетия придает этому правилу исключительную важность при выяснении всей истории документа. Но тем ценнее примеры добросовестной передачи резолюций и помет в изданиях последних лет.

Особенно нужно отметить необходимость издания при документе (лучше всего – в легенде) помет, фиксирующих адресаты рассылки. Это важная для историка помета, и непонятно, почему многие публикаторы предпочитают опускать ее.

Отдельной проблемой является упоминание в издании о читательских подчеркиваниях текста. С подчеркиваниями авторскими все ясно – их обязательно следует обозначать. Читательское же подчеркивание, по нашему мнению, следует указывать лишь в том случае, если можно определить, кто именно его сделал.

Не следует пугаться, если в результате подробного описания всех экземпляров издаваемого документа легенда к нему достигнет страницы или нескольких страниц – научному изданию это отнюдь не противопоказано.

Подводя определенный итог сказанному, можно сформулировать некоторые правила издания документов XX в. Правила подчас банальные, но ныне глубоко забытые немалым числом публикаторов:

- выявление документов для издания проводить с предельной полнотой, не ограничиваясь лишь тем фондом, где обнаружен документ, но привлекая и фонды тех учреждений, где он создавался, распространялся, реализовывался и т. д.;

- вместе с издаваемым документом обязательно выявлять другие, генетически связанные с ним и объясняющие его происхождение, редактирование, принятие, функционирование (например, протокол – выписка из него; донесение – сводка);

- наряду с подлинниками выявленных документов привлекать к изданию все обнаруженные его копии, отпуски, черновики, генетически связанные с ним документы близких типов;

- проведенную текстологическую сверку таких копий с подлинником фиксировать при издании в подстрочных примечаниях или легенде (при наличии смысловых разночтений, правки);

– отражать в легенде для всех привлеченных копий с той же полнотой, что и для основного издаваемого экземпляра документа, все параметры внешнего описания, бланков, печатей, штемпелей, подписей, почерка и шрифтов (например – «копия той же машинописной закладки, что и экземпляр такой-то»);

– приводить в легенде содержащиеся на основном и всех других выявленных экземплярах данного документа резолюции, записи, пометы;

– помнить, что хорошие возможности значительного расширения числа привлеченных к изданию документов дает реальный комментарий. Он позволяет процитировать одни документы из числа не вошедших в выборку, пересказать или хотя перечислить другие, приводя их архивные шифры. Нынешнее состояние архивных справочных систем таково, что все последующие ученые, разрабатывающие данную тему, получают весьма ценные целеуказания, позволяющие к тому же проверить объективность сделанной выборки. Это куда полезнее, чем забивать реальный комментарий научных изданий хорошо известными специалистам сведениями.

Особое значение имеет проблема канонического текста документа и точности его передачи в издании.

Когда исследователи получили возможность и почувствовали необходимость изучать архивные экземпляры различных актов директивных органов, вскоре после их принятия публиковавшихся в официальных изданиях, стали очевидными встречающиеся подчас факты несовпадения текстов архивного и опубликованного. Частичная или отредактированная специально для открытой печати публикация принимаемых советскими и партийными органами постановлений, распоряжений, декретов и т. д. – дело в XX в. не столь уж редкое. И если для юриста законным текстом является, как правило, текст официальной публикации, то для историка главным источником основного текста документа служит протокольный подлинник органа, принявшего данный акт (т. е. сам протокол, если текст акта отражен в нем полностью, либо приложенный к протоколу отдельный документ с таким текстом, утвержденный записью в протоколе, а при отсутствии таковых, с определенными оговорками, – оформляющий протокольное решение рассылочный документ, выписка из протокола).

Не вдаваясь сейчас в эти очень важные детали, требующие особого рассмотрения с учетом времени и специфики делопроизводства

соответствующих фондообразователей, отметим лишь важный для научного издания документа принцип: *публикатора интересуют все стадии создания, утверждения, распространения документа*, а не только его подчас давно опубликованный текст. В зависимости от цели издания, его характера в качестве основного варианта при публикации может быть выбран либо архивный протокольный текст, либо официально опубликованный или секретно посланный на места, либо какой-то иной, – но *историк должен четко представлять, какой именно текст он издает как основной, и по общему текстологическому правилу подвести к нему все разночтения и варианты*, если таковые имеются. Сделать это можно, как обычно, во втором (цифровом) ярусе подстрочных примечаний или в обобщенном виде в легенде. Это, конечно, азы текстологии, но среди вала сегодняшних публикаций документов XX в. следование этим правилам встречается довольно редко. Мне часто кажется, что немало публикаторов, гордо заявляющих о научном характере своих изданий, просто не подозревают о существовании науки текстологии.

Исследователю и издателю документа вообще очень важно не ограничиваться лишь тем единственным его вариантом, который попал первым в его руки. Тем, кто издает документы директивных органов по их фондам в центральных архивах, важно знать, в каком виде они поступали на места. А тем, кто издает извлеченные из местных архивов эти рассылочные экземпляры документов, следует знать, в каком именно виде они были приняты в центре. Иначе не избежать казусов вроде следующего. Ряд директив Политбюро весны 1922 г. с указаниями о разворачивании антирелигиозной кампании по изъятию церковных ценностей секретно рассылался в губернии в виде «*постановлений ЦК РКП(б)*». Но, как оказалось, порою при подобной рассылке Секретариат ЦК (по-видимому, непосредственно В. М. Молотов) подвергал принятые Политбюро постановления весьма существенному редактированию. Так, утвержденные 20.03.1922 г. после значительной правки на заседании Политбюро развернутые предложения Л. Д. Троцкого об организации изъятия церковных ценностей рассылались 22 и 23.03.1922 г. из Секретариата ЦК «*к немедленному и неукоснительному исполнению*». Но отправленный на места текст очень сильно отличается от принятого 20.03.1922 г. на заседании Политбюро: исчезли или были перередактированы одни пункты, поменялись местами или были объединены другие, а две важнейшие фразы, отсутствовавшие в принятом протокольном тексте, появились лишь в рассылочных текстах. И речь в них идет о вещах принципиальных:

Молотов формулирует здесь в качестве директивы ЦК свою собственную мысль о необходимости определенного смягчения методов и масштабов проведения всей этой кампании. Троцкий будет категорически возражать Молотову и добьется особого постановления Политбюро с дезавуированием этой идеи Молотова как раз в тот день 23.03.1922 г., когда на места будет рассылаться директива от 20.03.1922 г. в редакции и с добавлением Молотова. В 1990 г. в «Известиях ЦК КПСС» был (с неоговоренной правкой!) опубликован хранившийся в ЦПА текст первоначальных предложений Л. Д. Троцкого, которые в переработанном виде были приняты Политбюро 20.03.1922 г. Но дальнейшей судьбой текста публикаторы не поинтересовались. В 1993 г. в г. Иваново и на Урале в фондах местных партархивов историки обнаружили тексты, приславшиеся 22–23.03.1922 г. из Секретариата ЦК РКП(б) и поспешили опубликовать их, конечно же, – как директивные постановления ЦК. Сравнить местный вариант с доступным протокольным текстом постановления ПБ (или хотя бы с опубликованным первым вариантом Л. Д. Троцкого) было недосуг.

После выявления в архивах и библиотеках массива привлекаемых к изданию документов (с их вариантами, черновиками, отпусками, рассылочными экземплярами, публикациями) и уточнения окончательного количества документов этого массива, полностью публикуемых в основном корпусе издания, а также используемых, упоминаемых или частично цитируемых в других его частях (комментарии, введении, примечаниях и т. д.), важнейшей археографической проблемой подготовки издания становится передача текста документа. Это определение основного варианта текста, по которому он будет издаваться, выработка приемов фиксации или исправления всех ошибок, пропусков, неразборчивых мест, механических утрат этого варианта, а также учета разночтений всех других вариантов текста данного документа.

Российская археографическая наука имела здесь в начале XX в. прекрасно работавшие гуманитарные научные школы, охватывавшие весь диапазон от философских, гносеологических основ источниковедения до разработки конкретных правил издания текстов разных типов и разного времени. Несколько позднее, с начала 1920-х гг., С. Н. Валк, один из талантливых ученых петербургской школы А. С. Лаппо-Данилевского, отточивший свою археографическую технику на классических источниках древней и средневековой Руси, начинает систематическую

разработку источниковедческих и археографических проблем издания нескольких типов источников XX в. Это в первую очередь революционные прокламации, декреты советской власти, сочинения В. И. Ленина. Приблизительно с «года великого перелома» внешние условия для подобной углубленной работы значительно ухудшаются, несмотря на продолжающееся издание источников. Не случайно знаменитое «академическое дело» было в первую очередь направлено против российских гуманитарных школ, и прежде всего – против видных историков и архивистов. Методы извлечения из источников XX столетия объективной научной истины все более уступали место приемам партийно-директивного конструирования прошлого. Хотя, конечно же, нормальную историческую науку до конца истребить и не удалось, в сфере истории предреволюционных лет и советских десятилетий этой науке приходилось особенно туго.

Сейчас, когда в обществе прошел первый шок от внезапного обнаружения прошлого, противоположного официально предписанному, настало время внимательнее приглядеться к наследию 1920-х, да и более поздних годов в сфере объективного научного изучения и издания источников по новейшей истории. Упоминавшиеся выше требования наиболее полного выявления всех экземпляров, вариантов, редакций издаваемых текстов были для С. Н. Валка, его учителей и коллег-единомышленников аксиоматичными. Следующим вставал вопрос, как распорядиться всеми этими экземплярами.

В ряде своих работ 1920-х гг. С. Н. Валк по давней археографической традиции предлагал последовательно решать при передаче в издание текста документа три проблемы – рецензии (рецепции), эмендации и транскрипции этого текста.

Позднее Д. С. Лихачев аргументированно доказал применительно к литературным памятникам неправомочность сведения текстологии к механическому решению этих трех конкретных проблем. Он гораздо более широко сформулировал задачи текстологии: «Текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов». Упомянутые выше конкретные проблемы, весьма важные сами по себе, могут быть правильно поставлены и решены лишь в ходе выполнения этой общей задачи. Исследователь обязан поэтому не просто фиксировать изменение текста, появление его новых вариантов, редакций, но и объяснять всю эту динамику, «не отрывая этой истории текста от исторической действительности, от общественно-политической жизни эпохи, от его авторов, переписчиков».

Конечно, история текста документальных источников обычно бывает куда короче таковой же литературных памятников, но мы полагаем, что указанный *главный принцип текстологии, требующий от публикатора предварительного выявления, анализа и объяснения всех этапов жизни текста, весьма важен и для документальных изданий.*

Учитывая это, обратимся к традиционным текстологическим проблемам и затруднениям.

Первая из них связана с установлением, «получением» текста из многочисленных порой экземпляров, списков, вариантов, редакций одного источника. Сразу же при этом встает вопрос – издавать ли их в виде нескольких разных текстов друг за другом или одним текстом с фиксацией разночтений. Общепринятый в текстологии историко-литературных нарративных памятников ответ на этот вопрос связан с непростым понятием «редакция памятника»: отдельно издаются разные редакции, а списки, не составляющие особых редакций, отражаются в подстрочных вариантах при своих редакциях. В конкретном понимании термина «редакция» у разных текстологов и сегодня имеются расхождения, но два важных для нас положения можно считать устоявшимися: 1) выделение особой редакции не связано с количеством разночтений; 2) редакция отражает определенный этап в истории текста памятника. В. М. Истрин в 1922 г. особо подчеркивает, что новую редакцию создают не всякие переделки, но лишь такие, которые производились «сознательно, с определенной целью». Д. С. Лихачев развивает это положение о «намеренной, целенаправленной переработке памятника»; он пишет в этой связи о редакциях идеологических, стилистических и редакциях, расширяющих фактический материал произведения. Понятно, что принципы выделения редакций должны различаться для летописей XII в. и постановлений Политбюро XX в.; применение общих законов текстологии к документам новейшей истории разработано еще очень слабо. С. Н. Валк для произведений В. И. Ленина оперирует здесь терминами «значительные отличия» или «незначительные расхождения», из коих первые создают разные редакции, а вторые – нет. В объяснение термина «значительный» он здесь не вдается, но в своей более ранней статье «О приемах издания историко-революционных документов» говорит как о признаке особой редакции о такой переделке первоначального памятника, которая «дает два текста, значительно друг от друга отличающихся и не могущих быть непосредственно сведенными один к другому».

При одном из обсуждений по нашей просьбе подобных спорных проблем в Институте отечественной истории в 1995 г. также преобладала точка зрения, что *черновую и беловую редакции документа при наличии существенных расхождений между ними лучше публиковать отдельно, по общему текстологическому правилу.*

Теперь несколько замечаний о тесно связанных между собой проблемах исправления в издании явных ошибок документа и о методах передачи его языка – фонетики, орфографии, синтаксиса – средствами современного типографского набора.

Здесь стоит напомнить о важном принципе таких исправлений и методов, часто игнорируемом при издании текстов XX в. Все они должны применяться таким образом, чтобы исследователь в каждом случае был в состоянии представить, как выглядел первоначальный текст источника, до внесения в него исправлений. Отсюда элементарное правило *запрета на любую неоговоренную правку издаваемого текста*: вся деятельность публикатора должна быть здесь абсолютно прозрачной. Применительно к документам XX в. непростым, требующим дальнейшей разработки является вопрос о том, что именно считать подлежащей исправлению ошибкой. Традиционные для данного автора или учреждения нестандартные написания отдельных слов, терминов, имен собственных, на наш взгляд, лучше оставлять в тексте без исправлений, в необходимых случаях (не всегда) снабжая их подстрочным примечанием с правильным написанием. Для идентификации разных вариантов написания одного и того же имени собственного очень удобны указатели в конце книги. Те фактические неточности источника, которые публикатор считает необходимым отметить, гораздо удобнее указывать в комментарии или ввводной статье, а не в подстрочных примечаниях, как сегодня нередко делают.

Вообще, компьютерный набор предоставляет публикатору много прекрасных возможностей разумного приближения к реальному облику документа, грех не воспользоваться хоть некоторыми из них не в факсимильном, «дипломатическом», а в обычном научном издании. Так, например, большое разнообразие шрифтов позволяет наглядно отделять текст типографски напечатанного бланка документа от того, что в него вписано от руки или на машинке.

Внесение в издаваемый текст любых исправлений, конъектур – дело, как мы видим, отнюдь не бездумно-автоматическое. Специфические для нашего столетия трудности создают историю некоторые лингвистические проблемы, связанные и с языковой реформой 1918 г., и с динамикой советского бюрократического новояза, и с энергичным

перемешиванием социальных слоев общества. Есть немало написаний, которые сегодняшний редакторский глаз вылавливает как ошибочные, но которые соответствовали языковой норме 1920-х (например) годов. Конечно, по мере приближения к нашим дням острота этих проблем ослабевает, но для первых десятилетий советской власти они стоят острее, чем, скажем, для второй половины XIX в.

Скрупулезное сохранение языковых особенностей текста при публикации документа диктуется интересами отнюдь не одних лингвистов, но и историков. Единообразно обстригая язык и стиль прошлых десятилетий под нынешний стандарт, мы лишаем историка важных элементов атмосферы эпохи, персональных или коллективных характеристик. Чего стоит, например, весьма приметная смесь неграмотности и революционного пафоса в ряде документов функционеров ВЧК-ОГПУ, подчас старательно сглаживаемая публикаторами. Или обычное для помощника И. В. Сталина Амаяка Маркаровича Назаретяна написание слова «дирректива» через удвоенное рычащее «р». Или высокопарно-косноязычные сетования главного искоренителя религии и Церкви в аппарате железного Феликса, бывшего военного писаря Е. А. Тучкова, на неграмотность своих сотрудников. Текст многих шифротелеграмм и телеграмм того времени, издаваемых по телеграфной ленте или расшифровке, зачастую вообще трудно привести к общеупотребительным орфографии и синтаксису, даже если расставлять знаки препинания в квадратных скобках. Здесь каждый раз предстоит продумывать меру и методы эмендации и транскрипции текста.

В церковной и старообрядческой сфере долго держатся важные элементы того русского языка, который существовал не только до ленинской, но и до петровской языковых реформ; наряду с современными действуют нормы древнерусского и церковнославянского языков. Это нужно учитывать при публикации. Наконец, бережного отношения требует и язык документов, созданных носителями народного языка и включающих элементы просторечия, диалектизмы, жаргон и т.д.

Неоговоренная правка языка, а то и стиля документа XX в. стала за советские десятилетия делом настолько привычным, автоматическим, что публикаторы порой просто не могут себе представить ничего иного. Но уже появляются издания, сохраняющие языковые и стилистические особенности, погрешности документа, подчас снабжая их примечанием «так в тексте».

Это непростые проблемы, однозначных решений здесь сегодня

не предложить, но во всех перечисленных случаях нельзя забывать о важном текстологическом правиле: читатель публикации должен иметь возможность восстановить первоначальный, подлинный текст документа.

Мы не коснулись важных проблем датировки, атрибуции источников XX в. Отметим лишь, что и здесь остро необходимо покончить с довольно распространенной практикой пренебрежительного отношения публикатора к этим вопросам, нежелания заниматься очень трудоемким анализом с применением всех методов, давно уже выработанных источниковедением. Это куда труднее, чем просто менять на противоположные идеологические оценки прошлого, Но без подобной кропотливой работы не вернуть доверия общества к историческим публикациям и историкам.